

УДК 340.155.4

О. М. Морозова*доктор исторических наук,**доцент кафедры "Связи с общественностью"**Донского государственного технического университета**(г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация)***НАРРАТИВ****ПРОФЕССОРА И. А. МАЛИНОВСКОГО***

Холодной зимой 1919-1920 гг., профессор гражданского права Донского, бывшего Варшавского русского, университета Иоанникий Алексеевич Малиновский (1868-1932), находился в Екатеринодаре один без семьи, оставленной им в Ростове-на-Дону. Он бежал от красных, занявших город. Обычно загруженный кучей дел здесь в кубанской столице он скучал и тосковал по жене и дочерям. Надеясь увидеться вновь, он решил подготовить Марии Александровне подарок – свои воспоминания. Они были начаты 8 января и закончены в середине марта 1920 г., после возвращения в Ростов действительно преподнесены жене¹.

Хотя постмодернистская теория, из которой позаимствован термин нарратив, не любит схем и обобщений, разрушающих уникальность каждой судьбы и каждого события, испытывая давление прошлого опыта,

---

© Морозова О. М., 2013

© Національний університет «Острозька академія», 2013

*Репринт за дозволом автора з: Морозова О. М. Нарратив профессора И. А. Малиновского / О. М. Морозова // *Relga. Научно-культурологический журнал*. – №15 [178]. – 05.11.2008.

¹ Малиновский И.А. Воспоминания. Екатеринодарский дневник, декабрь 1919 – март 1920 гг.: Рукопись. Подлинник хранится у потомков внучки И.А. Малиновского Марианны Цезаревны Шабат (1922-2009).

не смогу отказаться от сопоставлений и анализа, потребность в которых возникла после чтения этого текста.

Нарратив самодостаточен и несет в себе знание о «конце повествование», т.е. чем все закончится. Этим тексты Малиновского отличаются от идеального нарратива. Известны сопутствующие архивные документы, дополняющие, а подчас дезавуирующие содержание воспоминаний. Да и о «конце» говорить еще рано. В 1920 г. Малиновскому был 51 год, ему отведено было еще почти 13 лет жизни. И после возвращения в занятый красными Ростов начался заключительный период его биографии – арест, суд, лагерь, освобождение, избрание академиком. Умер Иоанникий Алексеевич своей смертью в Киеве в возрасте 64 лет.

И, тем не менее, семантическая завершенность в тексте есть. Как многие он надеялся зимой 1920 г., что успех большевиков временный, но все же период вынужденного безделья заставил его заново взглянуть на свой жизненный путь и подвести некоторые итоги. Он хотел вспомнить события прошлой жизни, большей частью дарившие ему положительные эмоции, и привести в порядок свои чувства по отношению к жене, любимой, но ставшей в последнее время источником переживаний.

Киев

Иоанникий Алексеевич происходил из ремесленников г. Острога Ровенской губернии и, учась в Киеве, помощь из дома получал небольшую. Его духовным наставником был дядя, военный врач в отставке, который одобрял выбор племянника и оказывал посильную поддержку. Из воспоминаний Малиновского становится известен поистине тернистый путь юноши из народа к университетскому жетону, хотя жизнь предоставляла много вариантов образованному человеку обеспечить себя.

Это – частные уроки, преподавание в начальных и средних учебных заведениях, служба в просветительских учреждениях. Если образование могло еще быть получено на положении казеннокоштного студента, то профессиональное становление было еще более сложным. Вот как описал Иоанникий Алексеевич этот период своей жизни.

«Я блестяще окончил Университет с дипломом первой степени и круглым "весьма" по всем предметам и золотой медалью за сочинение, которое факультет постановил напечатать в "Университетских Известиях". Но что делать дальше? Я твердо решил избрать ученую профессорскую карьеру. Я имел все шансы на то, что на пути к этой карьере не встречу серьезных препятствий. Но я знал, что путь лежит через оставление при университете для подготовки к профессорскому званию, а вопрос об этом оставлении не может быть решен немедленно, напротив, потребует длинной канцелярской волокиты. Далее, я знал, что когда вопрос об оставлении при университете и будет решен, то нельзя сразу, с первого же года рассчитывать на получение казенной стипендии, я мог поступить кандидатом на судебные должности, но без содержания; даже на самое скромное вознаграждение сразу рассчитывать не мог. Можно было записаться помощником к присяжному поверенному, но и тут нельзя было рассчитывать на какой-нибудь заработок. У меня были кое-какие сбережения, они ушли на приобретение штатского платья взамен студенческой формы; оставалось всего лишь несколько рублей. И вот вопрос о хлебе насущном встал тогда передо мной и угнетал меня»².

² Там же. С. 7.

Его как и многих других несостоятельных студентов выручало репетиторство. Особенно ценными были «летние уроки», когда их приглашали в сельские имения для занятий с детьми, находящимися на каникулах, на полный пансион да еще и с выплатой денежного вознаграждения. Эта традиция, поддерживаемая помещичьим дворянством, оказала неоценимую услугу российской культуре и науке. Со стороны работодателей это был явно альтруистический шаг, – желание поддержать и подкормить бедных студентов. Например, Малиновский, уехав на летние уроки в полтавское имение помещиков Трифоновых, застрял у них на два года и тем самым собрал достаточную сумму, чтобы пройти этапы подготовки к профессорскому званию. Затем Малиновский устроился секретарем Комиссии народных чтений, организовывавшей общедоступные лекции, с казенной квартирой.

Университетский жетон давал таким молодым людям как Малиновский пропуск в дома, существенно превосходившие по статусу среду его происхождения. Он, человек далеко не выдающейся внешности, стал желанным гостем во многих семьях, имевших дочерей на выданье. Он выбрал Марию Конисскую, девушку из интеллигентной и состоятельной семьи, которая владела несколькими доходными домами в Киеве, двумя дачами в Боярке и имением Плиски в Черниговской губ. Одну из квартир у них снимал известный ученый-юрист М.Ф. Владимирский-Буданов, учитель Малиновского, с которым он дружил. Более того, робкого юношу ободрила сама Мария Александровна. Ее родные не возражали. Их брак мезальянсом не казался.

Мария Конисская окончила гимназию первой ученицей, с золотой медалью. В то время о высшем образовании женщины нельзя было

мечтать: Женские Высшие Курсы были закрыты. Ей пришлось оставить мечты о продолжении образования и искать себе жизненное поприще. Малиновский с нотками гордости описывает первые профессиональные шаги своей жены.

«Сначала давала частные уроки. Как выдающаяся ученица в гимназии легко получала выгодные уроки по рекомендации начальницы гимназии и учительниц. Это не могло удовлетворить надолго. Да и утомляло сильно: каждый день, и в хорошую и в дурную погоду, нужно было бегать из одного конца города в другой. Нужна была более благодарная и более ответственная работа. Остановилась на мысли – открыть начальную школу для мальчиков и девочек и пансион для гимназисток. Сама была главной рабочей силой: начальницей школы и пансиона, преподавала в школе, следила за занятиями пансионеров и помогала им; дала работу сестрам – Люсе и Наталье – и в школе, и в пансионе. Дело пошло великолепно. Школа скоро приобрела репутацию образцовой. Пансион пользовался наилучшей славой у начальниц женских гимназий и родителей учениц»³.

Два интеллигентных человека стремились выстроить свои отношения на новых возвышенных основаниях, не допустить в них ложь, ханжество, грязь. Все начиналось чудесно. И спустя 25 лет Иоанникий Александрович не мог вспоминать об этом без волнения.

---

³ Там же. С. 14-15.

«Меня беспокоило то, что Маруся не все обо мне знает, хотя мы и давно уже знакомы. Я написал Марусе длинное, в несколько листов, письмо, подробно рассказал свою биографию, перечислял все свои пороки и недостатки, ничего не утаивая и не смягчая... [...] В частности, мучило меня то, что должно мучить всякого мужчину в таком же положении. Я собирался связать навсегда свою жизнь с девушкой, которая сохраняла невинность и чистоту, я уже загрязненный и порочный. Этот вопрос о половой нравственности встал передо мной во всей остроте еще тогда, когда началось мое сближение с Марусей осенью 1895 года... Я тогда ясно понял и больно почувствовал глубокую несправедливость и ненормальность различной оценки досвадебного поведения невесты и жениха. Мерка должна быть одна и та же. [...] Чистота должна быть обоюдная. Вследствие посторонних дурных влияний, вследствие собственного легкомыслия и слабости воли я утратил чистоту. Но прошлого не вернуть. Я решил твердо, по крайней мере впредь, себя не грязнить, для того, чтобы хоть до некоторой степени загладить свою вину перед Марусей. И я исполнил свое решение. Обо всем этом я написал Марусе, просил ответить, до ответа не показывался на глаза. Маруся ответила, что плакала, читая мое письмо, благодарила за откровенность и закончила обещанием сделать все возможное, чтобы нам жилось хорошо»⁴.

После свадьбы Мария планировала постепенно ликвидировать свой пансионат, и Иоанникий Алексеевич должен был стать главой и опорой семьи. Однако он не имел в тот момент постоянной работы, и перспективы

⁴ Там же. С. 21.

его профессорской карьеры были еще туманны. Он получал единственное надежное содержание как преподаватель кадетского корпуса. В Киевском университете считался приват-доцентом юридического факультета, а это значит, что работал без жалования. Он поочередно интересовался должностями инспектора ведомственных школ Юго-Западной железной дороги, инспектора торговой школы, секретаря Киевской городской управы, но все хлопоты по разным причинам оказывались пустыми. Появился вариант вступить в состав юридического факультета Новороссийского университета в Одессе, но узнав о тяжелой моральной атмосфере на кафедре, на которую предполагалось устройство, он отказался от этих планов. Тем не менее подготовка к свадьбе шла на хорошем буржуазном уровне.

«Шли приготовления к свадьбе и к нашей послесвадебной жизни. Шили приданное Марусе: белье, подвенечное платье, дорожное платье. Белили потолки и оклеивали обоями нашу будущую новую квартиру. Мы выбрали обои по своему вкусу: для столовой под цвет дуба, для спальни розовые, для моего кабинета – солидные темно-красного цвета, для Марусинога кабинета – оливкового, для школы – светлые, серые. Заказали новый турецкий диван для моего кабинета. У Маруси был гарнитур мягкой мебели; отдали в мебельную мастерскую Романовского сделать новую обивку; сами выбрали материю для обивки Марусинога гарнитура и моего дивана под цвет обоев; из материи для обивки Марусинога гарнитура заказали гардины на окна и двери в Марусином кабинетике: купили парусиновые шторы для моего кабинета, деревянные шторы и тюлевые розовые занавески для спальни, бумажную штору для

Марусиного кабинета. Кровати, очень хорошие, металлические, полуторные, с пружинными матрасами и волосяными тюфячками заказала Марья Александровна – старшая [мать Марии – О.М.] на фабрике Леви; это был ее свадебный подарок; она же подарила подушки, покрывала и все постельное белье. Покрасили окна и двери. Когда новая квартира была готова, перенесли в нее все наши вещи. Разослали пригласительные билеты на свадьбу»⁵.

После венчания молодые убыли в свадебное путешествие к морю в двухместном купе первого класса в поезде «Молния», идущем в Одессу. Начало нового учебного года Ника и Маруся, так они стали называть друг друга, встретили во вполне удовлетворительном с материальной точки зрения положении, которое их не удовлетворяло в силу неясности положения молодого бакалавра.

«Школа приносила Марусе доходы, достаточные для того, чтобы прожить безбедно не только одной, но и вдвоем. Мне предложили в Кадетском корпусе, кроме законоведения, преподавать историю. Всего у меня было 20 уроков, что давало в год 1400 рублей, большие деньги по тому времени. Кроме того, я мог объявить в Университете необязательный курс, и за 2 недельных часа получить еще 600 руб. Одним словом, с материальной стороны мы были совершенно обеспечены»⁶.

И тут из Министерства народного просвещения пришло предложение занять должность экстраординарного профессора Томского

⁵ Там же. С. 28.

⁶ Там же. С. 40-41.

университета, в составе которого тогда открывался новый юридический факультет. Он был назначен исполняющим должность экстраординарного профессора с установленным для Томского университета полуторным окладом содержания по 3000 руб. в год с правом перевода на должность ординарного после получения степени магистра.

В Томск ехали через Москву, из которой уже был пущен Сибирский экспресс. Там началась для Малиновского карьера университетского преподавателя и ученого.

Томск

В молодые годы Малиновский определенно вольнодумствующий университетский профессор. Был активным кадетом. Участвовал в работе делегатского съезда партии в феврале-марте 1906 г.

Занятий в университете зимой 1905-1906 гг. не было. Сначала в городе прошел черносотенный погром, когда многим деятелям «вредного направления» пришлось спасать свои жизни, потом в январе 1906 г. в городе было введено военное положение. Это позволило ему провести с семьей весну и лето 1906 г. в Крыму. После возвращения в Томск Малиновский много занимался общественной деятельностью, выборами в Государственную думу. Был хорошо знаком с томскими делегатами Н.Н. Розиным и П.В. Вологодским, будущим главой Временного Сибирского правительства и членом правительства А.В. Колчака. Но главным содержанием его жизни в 1906-1907 гг. стало редактирование газеты «Сибирская жизнь», ставшей рупором сибирской интеллигенции кадетско-эсеровской ориентации. Газета неоднократно вызывала со стороны властей нарекания «ввиду крайне возмутительного, а потому в высшей степени антипатичного направления». Реакцией на «оппозиционное настроение»

газеты «Сибирская жизнь» стало письмо попечителя Западно-Сибирского учебного округа Л. Лаврентьева, который 28 августа 1910 г. обратился к управляющему Томской губернией со следующим заявлением:

«В Министерстве народного просвещения неоднократно возникал вопрос о несовместимости издания и редактирования газеты “Сибирская жизнь”, ввиду направления сей газеты, с профессорскою деятельностью. Принимая во внимание, что и в настоящее время направление этой газеты остается неизменным, и признавая совершенно недопустимым дальнейшее участие профессоров университета в издании и редактировании названной газеты, его превосходительство господин министр народного просвещения предложил мне профессорам Соболеву и Малиновскому немедленно отказаться от издания и редактирования газеты “Сибирская жизнь” или оставить службу в университете»⁷.

Тогда Малиновский заявил, что уже не сотрудничает в газете. В тексте воспоминаний этот шаг получил иной комментарий: ушел с редактирования по требованию властей. Но уже давно возникший к нему интерес жандармов не ослаб. В 1909 г. он издал книгу «Кровавая месть и смертная казнь», посвятив ее жене и детям, потому что в ней «формулировал святая святых своих политических и научных убеждений». Она была поднесена царю, одобрена Л.Н. Толстым, который написал автору признательное письмо. Но спустя два года книга была прочитана казанским губернатором, который обнаружил в ней крамольное содержание. Малиновский был привлечен по политической 129 статье –

⁷ Цит. по: Жилиякова Н.В. Цензурная история газеты «Сибирская жизнь» (1894–1919, г. Томск) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2009. №3(7). С. 107.

пропаганда революционных идей. На суде защите удалось добиться чтения книги на заседании (дело слушалось при закрытых дверях). Гуманистическая направленность текста была очевидна, последовал оправдательный приговор. Но он был отменен Сенатом. На вторичном суде его все же приговорили к месяцу тюрьмы, но он тут же попал под манифест о помиловании. После этого он много «претерпевает» от чиновников, надзирающих за университетами. Ему как кадету и либеральному журналисту не дают положенную годичную командировку, увольняют из Томского университета и не дают занять место, выигранное им по конкурсу, назначают против его желания в другой университет на должность экстраординарного (внештатного) профессора, что уже не соответствует его статусу доктора права.

В течение года он не имеет университетской кафедры, но оказывается не бедствует и даже защищает докторскую диссертацию. Интересен приведенный им перечень источников дохода, которые мог иметь осужденный и опальный преподаватель права.

«Мое увольнение состоялось в первой половине октября 1911 г. Но сообщение об этом дошло до Томска после 20 октября, и я успел получить октябрьское жалованье. С того времени этот источник заработка был закрыт для меня. Нужно было подумать, на какие средства жить. Я стал писать в “Сибирскую жизнь” больше, чем раньше. Был фактическим бессменным редактором “Сибирской жизни”. Читал в Омске публичные лекции за гонорар. Получил гонорар за справку в Архиве Министерства юстиции в Москве по делу (земельному) томских татар, которое вел присяжный поверенный Александровский; получил пособие от Министерства

(600 р.) на печатание диссертации; получил пособие от Академического Союза (ок. 2000 р.). В конце концов, я имел не меньше того, сколько получал, когда был профессором, и жили мы с прежним комфортом.

Был в виду еще один источник заработка... По частному поручению бывшего первого русского премьер-министра С.Ю. Витте, чиновники Министерства финансов под руководством П.И. Рудченко сделали выписки из русских газет и журналов всего того, что писалось о Манифесте 17 октября 1905 г.; небольшие заметки были переписаны; большие статьи были собраны в оригиналах. Кроме того, собраны были протоколы заседаний Комитета Министерства и разных совещаний, в которых обсуждался вопрос о государственной реформе. Накопилось материалов два ящика. Нужно было их обработать. [...] Предполагалось, что выйдет большое издание в 3-4 томах...»⁸.

По-видимому, ряд оценочных линий текста имеет целью обоснование и оправдание его политической и общественной платформы. Малиновский приводит факты афронта и демонстративной независимости интеллигентской среды, ее явную конфронтационность правительственным чинам и действиям. Когда Малиновский, будучи назначенным в Варшавский университет, знакомился со студентами и коллегами, он боялся быть принятым холодно: ведь в университетах не любили назначенных министерством, предпочитая избранных учеными советами. Но весть о том, что он был под следствием и судом за книгу, осуждающую смертные казни и одобренную самим Л.Н. Толстым, дошла и

⁸ Малиновский И.А. Воспоминания. Екатеринодарский дневник... С. 85.

до Варшавы, и он был встречен как триумфатор: перед вступительной лекцией и после нее ему устроили овации.

Малиновский конечно либерал, вольнодумец, но не фанатствующий революционер-радикал. В текст его мемуаров включены зарисовки старорежимного времени, которые в 1920 г. его греют именно потому, что они память о той самой старой жизни, в которой он своим трудом и умом весьма преуспел. Привлекает внимание то, что они не сопровождаются никакими оценками, комментариями, даны в форме непосредственного восприятия.

«Когда приезжал в Петроград, часто ходили в театр – всей семьей и вдвоем с Марусей. Были с Марусей в Мариинском театре на “Борисе Годунове” (в ложе учительниц Стоюнинской гимназии [в которой работала Мария Александровна, живя три года с детьми в столице – О.М.]), когда весь хор, артистки и артисты, в том числе Шаляпин, пели гимн на коленях перед царской ложей. Шаляпин, как всегда, играл неподражаемо. В театре особенная публика: царь, царица, много великих князей и княгинь, министры, члены Государственного Совета, дипломаты, генералы. [...] Занавес опустили. В партере раздались несколько голосов “гимн, гимн”. Подняли занавес. На сцене уже были хор артистки и артисты. Пропели гимн. Занавес. Крики “bis”. Пропели второй раз. Снова крики “bis”. Когда на этот раз подняли занавес, то все бывшие на сцене уже стояли на коленях, в таком положении исполнили гимн в третий раз»⁹.

---

⁹ Там же. С. 73.

Описанный эпизод относится, судя по месту в записях, к зиме 1911 г. Крайне любопытно было бы узнать, как оценили это выражение верноподданнических чувств артистов Иоанникий Алексеевич и Мария Александровна, обсуждая дома события того вечера. А в мае 1915 г. профессор Малиновский даже побывал в Царском Селе на аудиенции у царя. На волне патриотических настроений и идей о единении нации в борьбе с врагом совещание профессоров русской истории и истории русского права постановило поднести адрес государю и просить о разрешении созвать съезд русских историков в год 25-летия царствования и взять этот съезд под свое покровительство. Адрес был составлен и отпечатан. Государь пожелал принять всех подписавших адрес¹⁰. Но год 25-летия царствования пришелся на 1919 г.

Варшава – Ростов-на-Дону

Воспоминания имеют ярко выраженный личный характер: ведь они написаны как подарок жене! Поэтому те события, которые напрямую не касались семьи, просто отсутствуют в тексте или упоминаются им вскользь, хотя Иоанникий Алексеевич был в текущих событиях далеко не пассивен. Например, в годы первой революции много печатался в прессе, ездил на учредительный съезд кадетской партии, был избран выборщиком депутатов Государственной думы. Из той части воспоминаний, которая описывает жизнь семьи в этот период, проступает некоторая особенность той революции. Жизнь государственных структур была парализована: поезда не ходили, занятий в университете не было; но публика вела привычный образ жизни: весну и лето провели как обычно – на даче в

¹⁰ Там же. С. 114.

Ялте, впрочем, Малиновский много внимания уделял выступлениям на устраиваемых местным комитетом кадетской партии собраниях.

Обращает на себя внимание участие Малиновского в делах, находившихся в ведении жены, таких как воспитание дочерей, вопросы их здоровья, хождение по магазинам и совершение покупок, наем прислуги и пр. Никогда раньше в мужских мемуарах видеть столь значительным этот пласт информации не приходилось. Первое объяснение связано с мотивом написания текста и его «адресатом». А второе оттеняет особенности мирозерцания Иоанникия Алексеевича.

Патриархальное народное сознание делит мужскую и женскую сферы жизни мощными стенами табуирования. Мужчине на женскую половину нельзя – не по статусу и позорно. Иное в аристократических кругах: дети – наследники – важны главе семьи; приобретение вещей находится под контролем, т.к. обладание ими работает на общественное реноме семьи.

В тексте своих воспоминаний Иоанникий Алексеевич упоминал, что его интересовал аристократизм как научная проблема в рамках истории права.

«Я уже начал работать над диссертацией. Остановился на теме о “Раде Великого княжества Литовского в связи с боярской думой древней России”; остановился отчасти следуя советам М.Ф. Владимирского-Буданова, отчасти подчиняясь своей собственной научной любознательности: интересовался вопросом о роли и значении аристократического начала в государственной жизни»¹¹.

---

¹¹ Там же. С. 51.

Он был убежден в благотворности влияния аристократизма на низшие слои общества. Там, где он разоблачает неприглядную роль сенатора Гредингера, подчеркивалась позиция «первоприсутствующего для суждения дел о государственных преступлениях» сенатора А.Н. Кривцова, стремящегося строить деятельность следственной комиссии на букве закона. Кривцов даже накричал в кулуарах на Гредингера за допущенное им искажение фактов, на которое указал адвокат Грузенберг. Малиновский не преминул подчеркнуть, что Кривцов – крупный землевладелец и аристократ. Ему, происходящему из ремесленников, интеллигенту в первом поколении выполнение действий, символизирующих принадлежность к новому социальному слою, крайне важно. Спустя годы он подробно помнил свои первые шаги на новом поприще и гордость за жену, в которой сочетались многие престижные качества, ценимые той эпохой: ум, образованность, прогрессивность суждений, некоторая «неблагонадежность» прошлого ее отца украинофила Конисского, высокий общественный статус семьи.

«В то время профессора обязаны были быть в форме при исполнении служебных обязанностей. Форма была двух родов: старая, традиционная – вице-мундир и новая, заведенная министром юстиции Муравьевым для членов судебного ведомства, а потом заведенная и другими ведомствами – сюртук с погонами на плечах (я заказал себе вице-мундирную пару). Шил портной Рязанов, шил с большим усердием, так как сына своего отдал в Университет на юридический факультет. Я делал визиты членам Совета.

Отдавали визиты обыкновенно в мое отсутствие; Маруся принимала»¹².

Малиновский трепетно относился к традициям университетского сообщества. В трудных случаях, опасаясь невольно нарушить этику своей среды, он неизменно советовался с авторитетными лицами – М.Ф. Владимирским-Будановым, И.М. Гревсом и др.

Иоанникий Алексеевич старался строить свою жизнь на принципах благородства. Как упоминалось, еще до свадьбы поклялся себе соблюдать супружескую верность. Его уважали студенты. Он с большой ответственностью относился к чтению лекций. Всегда долго их готовил, писал полный текст. Потом читал лекцию жене, но всегда оставлял рукопись дома, беря с собой только необходимые выписки с цитатами. Студенты устраивали ему овации, он получал одобрение министерских чиновников, инспектировавших новый университет, – высокая оценка его кропотливого труда, когда давала ему самоуважение и делала счастливым. Уважение к его труду было краеугольной ценностью семьи. Это было традицией профессорского быта. Княгиня Трубецкая, когда ее муж Сергей Николаевич, известный философ, занимался в кабинете, она запрещала детям шуметь: папа работает!

Неслучайно, проживая в Томске, где превалировала деревянная застройка, и часто случались пожары, Малиновский говорил маленьким дочерям: что в первую очередь надо спасать диссертацию, которая всегда находилась в саквояже, стоящем около его рабочего стола. Эта внушение позволило спасти рукопись во время пожара, уничтожившего их дом и почти все имущество: 11-летняя Евгения взяла саквояж и вышла из дома.

---

¹² Там же. С. 48.

Очевидно, что Иоанникий Александрович жил действительно наполненной и счастливой жизнью. Конечно, был и период преследований за печатание книжки, которую признали крамольной, бывали размолвки с женой, которые к большому его сожалению становились все более частыми, но у него был надежный компенсаторный ресурс – работа и общение с коллегами.

Малиновский давал пространные живописания мест, в которых бывал. Кроме двух – Киева и Томска. В этом также чувствителен процесс поиска аристократизма.

В Томске и Киеве произошли самые значительные события его жизни, это места его личностного становления.. Они были выше любых оценок, они как пик сверхценности были качественно другими объектами для Малиновского.

К середине осени 1914 г. фронт с Германией стабилизировался в 35 верстах от Варшавы. Жизнь в городе успокоилась и в университете начались занятия. 23 июля 1915 г. Варшава была неожиданно оставлена русской армией. Профессорско-преподавательский состав и студенты в связи с вакациями покинули к тому времени стены университета и оказались «бездомными». Весьма оперативно 12 августа был поставлен вопрос о судьбе университета, решенный в пользу Ростова-на-Дону.

Парная сравнительная характеристика, данная Ростову-на-Дону и Варшаве, городам, в которых ему пришлось работать по воле обстоятельств, интересна фактурой, деталями городской жизни и передачей психологической атмосферы.

«Первое, что бросилось в глаза, когда приехали в Варшаву, это чистота, необыкновенная чистота. [...] После дождя или снега

выходят дворники с метлами, сметают мокрый снег и грязь в водосточные трубы; если солнце пригреет, то через полчаса уже совершенно сухо. В великую субботу мы [...] в Варшаве, или без калош. [...]

...Когда я вышел на Невский и невольно сравнил его с Маршалковской и Новым Светом, то сделалось обидно: столица русского государства значительно уступала Варшаве; здесь еще не доросли до того, чтобы ценить чистоту так, как уже привыкли ценить ее в Варшаве. [...]

Любовь к чистоте, к зелени, к цветам свидетельствуют о культурности населения. О культурности свидетельствует также обилие жизненных удобств и дешевая плата за пользование этими удобствами. За 76 р. в месяц мы имели небольшую, правда, но великолепную квартиру с массой заметных и незаметных удобств; два лифта, электричество, газ, газовая кухня, газовая ванна (в любое время можно было взять ванну: открыл рожок, чиркнуть спичкой, газ загорался, и через 5-10 минут готово); в коридоре два громадных шкафа в стене для платьев... в окнах сделаны ober-luft`ы – верхняя часть окна механически открывается и закрывается, и можно без сквозного ветра проветривать квартиру; в том же доме внизу были лавочки, где можно было добыть все самое необходимое; газ, электричество, уголь стоили дешево. [...]

Дешевизна – это тоже характерная черта варшавской жизни. Можно было жить с большим комфортом, роскошно и прожигать большие деньги. Но можно было прожить дешево и с достаточным комфортом. [...] Дешево стоили места в театры и на концерты.

В Варшаве были так называемые правительственные театры – драматический, оперный и опереточный. Представления давались на польском языке. [...]

Типичная, настоящая Варшава – польская. Мы жили в этой польской Варшаве, пользовались всеми теми удобствами жизни, какие она дает. [...] Рассказы о насаждении русской культуры относились к области мифов. Какую культуру мы насаждали в Варшаве? Русские чиновники в Варшаве в большинстве случаев были авантюристами, карьеристами, взяточниками. Русский театр походил на балаган. Русские газеты, выходившие в Варшаве, производили жалкое впечатление при сравнении с газетами польскими. [...]

Делал свое культурное дело Варшавский Университет. Но, во-первых, это был захудалый провинциальный университет... во-вторых... был русский университет в Варшаве не потому, что здесь не мог быть польский университет, а потому, что польский университет был запрещен.

Несмотря на высокую культурность и на все жизненные удобства, жить в Варшаве русскому человеку было тяжело. На свое пребывание в Варшаве я смотрел как на временное. Мечтал о том, чтобы при первой возможности перейти в другой, русский, университет. Обстоятельства так сложились, что неожиданно пришлось оставить Варшаву навсегда. И я очутился в Ростове.

Ростов находится в пределах коренной России. Но это не русский город в строгом смысле слова: тут и русские, и армяне, и греки, и евреи. Этнографические грани тут стерты. [...] Ростов находится на казачьей территории – в Области войска Донского. Но Ростов –

крупный торгово-промышленный пункт. Торгово-промышленная деятельность интернациональна. И Ростов – город интернациональный. В торговле и промышленности при капиталистическом строе главная цель – прибыль. И заботами о прибыли главным образом живет Ростов. На Большой Садовой ул., на Таганрогском проспекте, на Московской улице – везде на каждом шагу магазины, оптовые склады, конторы, банки. Тут главный нерв ростовской жизни. Все мысли тут направлены на одно и то же – на наживу. О всем остальном или совсем не думают, или думают очень мало, так, для приличия. [...] В Варшаве была чистота. В Ростове улиц не поливают, и когда нет дождя, уличная пыль носится облаками; по главным улицам снуют целые обозы с мукой, известью, мелом, углем; за ними несутся густые клубы белой и черной пыли, которая попадает в легкие обывателей; и никто не позаботится о том, чтобы накрыть эти телеги брезентами.

В Варшаве можно было жить на широкую ногу, тратя громадине деньги, но можно было с достаточным комфортом прожить, располагая и ограниченными средствами. В Ростове жизнь рассчитана преимущественно на большие средства. Ибо богатства тут слишком много и наживались они легко, разными способами – и допустимыми и недопустимыми. [...] А если не было того, что пахнет уголовщиной, то была спекуляция, биржевая игра и разные законные способы обогащения. Миллионы давали тон. [...]

Была интеллигенция. Но значительная часть ее плыла по течению, была на службе у капитала, разделяла господствующее стремление к наживе. Оставался очень тонкий слой настоящей идейной

интеллигенции. [...] Партия Народной Свободы – интеллигентская по преимуществу. В Ростове она буржуазная по преимуществу.

Нас Ростов встретил чрезвычайно радушно. Нам удалось найти очень удобную квартиру. [...] В Ростове у меня установились прекрасные отношения со студентами и курсистками; и я считался одним из популярнейших профессоров. [...]

И, несмотря на все это, Ростов меня не удовлетворял и не удовлетворяет: тяготят сознание того, что приходится работать в атмосфере, насквозь пропитанной спекуляцией и наживой. После переезда Университета Ростов постепенно превращается в культурный центр Юго-востока России. Университет должен оказать свое облагораживающее влияние. Но такого рода завоевания делаются очень медленно»¹³.

В Варшаве его отталкивало парадоксальное сочетание культурного быта и постоянного ощущения чуждости. В Ростове – слишком явный аромат восточного базара. Обитель его полудобровольного изгнания, Екатеринодар, также получил резкую оценку, рожденную одиночеством, страхом за семью и неопределенностью настоящего и будущего.

«Отвратительный Екатеринодар! Вот город, в котором только крайняя необходимость может заставить жить. Самодовольное, пошлое, невежественное, мелкобуржуазное население. Противный климат»¹⁴.

¹³ Там же. С. 121-127.

¹⁴ Там же. С. 165.

Даже в этих текстах, выполненных в жанре записки путешественника, видна суть личности Иоанникия Алексеевича – ученого и аналитика. Он не может только смотреть, он должен видеть.

Спустя много лет после смерти Иоанникия Алексеевича, встал вопрос о его национальной принадлежности. Его как всякую видную историческую фигуру потомки рвут на части. Так он – восточный славянин – оказался поляком¹⁵. Волею судьбы и министра народного просвещения Малиновскому пришлось работать в 1912-1915 гг. в Варшавском университете. Еще за 15 лет до этого события ему впервые предложили занять одну из вакансий в этом учебном заведении, но тот отказался: «страшила перспектива жить в чужом польском городе». Когда же он все же оказался в Варшаве, то о пребывании русских в Польше написал следующее:

«Но Варшава не могла дать нам нравственного удовлетворения. Мы чувствовали себя в Варшаве чужими людьми. [...] ...Русские в Варшаве – это пришельцы, незваные, нежеланные пришельцы – завоеватели»¹⁶.

В Варшаве он чувствовал себя русским человеком, как и в Москве. Обращает на себя внимание следующий отрывок из воспоминаний, рассказывающий о первом посещении древней столицы:

«...На меня очень сильное впечатление произвел Московский Кремль. При виде старинных кремлевских стен и ворот с башнями,

¹⁵ Напр. см.: Лозовский И.Т. Поляки в Сибири // Славяне и Сибирь. Сохранение культурного наследия. Материалы научно-практического семинара. Томск, 19 декабря 2000 г. Заозерный архитектурно-художественный музей, 2002. Томский государственный университет, 2002.

¹⁶ Малиновский И.А. Воспоминания. Екатеринодарский дневник... С. 124.

колокольни Ивана Великого, Успенского Собора, при виде Красной площади перед Кремлем с лобным местом и церковью Василия Блаженного... мною овладело какое-то восторженное и вместе с тем жуткое чувство при мысли о том, что здесь колыбель русской государственной мощи»¹⁷.

У него вызывали восхищение масштабы русской государственности. Умозрительная сопричастность в 1890 г. сменилась чувством ответственности за ее сохранение в послереволюционные годы. В своем екатеринодарском дневнике 1 января 1920 г. он записал, что тост в новогоднюю ночь он произнес за воскрешение измученной страны.

«Я... предложил тост за общую семью – за Россию; пожелал чтобы новый год был в полном смысле слова новым, чтобы вместе с ушедшим в вечность старым годом ушли от нас кошмары и ужасы нашей жизни, чтобы ожила, воскресла несчастная, измученная, истерзанная и поруганная наша родина, чтобы в новом году мы сделались свободными гражданами единой великой России»¹⁸.

Но все же себя он называл и «украинцем по происхождению». Он с удовольствием пел малороссийские песни, вскоре после свадьбы молодая жена ему вышила украинскую рубашку, которой он весьма дорожил. Да и сама Мария Александровна была дочерью известного украинофила А.Я. Конисского. Поэтому любопытно, как он относился к убеждениям своего тестя, с которым не был близок, и к новой украинской государственности. В 1918 г. он невольно оказался на развилке политических путей. Когда

¹⁷ Там же. С. 10.

¹⁸ Там же. С. 152.

получил предложение от Н.П. Василенко и академика В.И. Вернадского вступить в Украинскую Академию наук, согласился. Но вскоре после возвращения из Киева на конференции кадетской партии в Екатеринодаре голосовал за резолюцию о единой России. Когда об этом узнали в Киеве, то исключили его из списка предполагаемых первых украинских академиков.

У Малиновского характерная для многих кадетов позиция в еврейском вопросе. У него много евреев-товарищей по партии, единомышленников и коллег-преподавателей. В отличие от многих интеллигентных уроженцев Украины (Н.И. Костомарова, В.В. Шульгина, М.Г. Дроздовского) Малиновский толерантен, пока ему не встретился М.О. Гредингер, член Сената, докладывавший его дело на заседании. Гредингер изложил его тенденциозно, имея очевидные инструкции отменить оправдательный приговор томского суда. Свою негативную реакцию на сенатора Малиновский воплотил в характеристике: «выкрещенный еврей, карьерист». Примечательно, что в это время Малиновского поддерживали правовед М.Я. Пергамент, редактор «Речи» И.В. Гессен, адвокат О.О. Грузенберг¹⁹, который даже представлял его, отказавшись от гонорара.

Такую же странную избирательную ксенофобию демонстрировали многие кадеты и петербургские интеллигенты, например, В.Д.Набоков, Е.Я. Кизеветтер, З.Н. Гиппиус. Если носитель инородческой фамилии единомышленник, то его происхождение не играло никакой существенной роли. В некоторых случаях оно придавало дополнительные краски его положительному образу. Но если еврей принадлежит к глубоко презираемому враждебному лагерю (революционному или

---

¹⁹ С именем О.О. Грузенберга связаны судебные разбирательства после погромов в Кишиневе и Минске, «дело Blondesa» и Пинхуса Дашевского, процесс Менделя Бейлиса.

правительственному), то характеристика ему вдвое злее и уничижительнее, чем отповедь политическому противнику русскому по происхождению. В этом случае нерусскость выпячивается и делается дополнительным недостатком, в некоторой степени объясняя его позицию.

Ростов – Екатеринодар – Ростов

В годы Гражданской войны существовал достаточно узкий слой устроенной публики, которая пыталась воспроизводить заведенный порядок жизни. Это была группа лиц, получавших относительно стабильное жалование. Как ни странно для военного времени это были профессора высших учебных заведений, врачи, журналисты, артисты. Как следует из сохранившегося дневника Малиновского, доход он получал от преподавания в нескольких учебных заведениях: он читал русскую историю в Коммерческом институте, дисциплину «Древности русского права» в Археологическом институте, а в Народном университете его избрали директором. Нелишними были гонорары от публичных лекций, в том числе и по линии Освага – пропагандистского органа Вооруженных сил Юга России, и поступления из созданного на кооперативных началах издательства, одним из учредителей которого он был. Многие университетские профессора позволяли себе критические замечания в адрес администрации Вооруженных сил Юга России. Малиновский был наиболее ярким публицистом «Приазовского края». Его статьи в этой газете были не только протестом против самоуправств, чинимых армией, но могут служить также примером непонимания гражданским человеком реалий военного времени. Тем не менее, сам профессор и три его дочери принимали активное участие в помощи больным и раненым офицерам и «стрелкам», как назывались рядовые в деникинской армии.

Тогда, когда Дон и Северный Кавказ в 1919 г. были достаточно глубоким тылом деникинской армии, профессор права эвакуированного из Варшавы в Ростов-на-Дону университета Малиновский мог позволить отправить семью на отдых в Ессентуки. Кавминводские курорты работали, правда, инфраструктура уже пострадала от войны, и его дочери Евгении «даже» пришлось готовить на примусе. И в предыдущие военные годы Малиновские также покидали Ростов на лето и в зависимости от обстановки снимали дачу: в 1917 г. – в Кисловодске, в 1918 г. – под Ейском. На «дачу» в приазовские поселки отправлялись не только отдохнуть, но и подкормиться.

Революция изменила отношения отцов и детей. Семья Малиновских не стала исключением. Мария, Евгения и Ольга по примеру матери и отца интересовались общественной жизнью, симпатизировали кадетам, и в то же время самостоятельно принимали решения принципиального характера, что было совершенно невозможно для девиц из хорошей семьи еще несколько лет назад. Евгения, 1900 г.р., самая смелая и экспансивная из дочерей, не спросив разрешения у родителей, в 1918 г. отправилась в путешествие в Крым, где группа гимназистов и гимназисток осматривала достопримечательности; в некоторых местах останавливалась и нанималась на работы. За год до этого с разрешения родителей она ездила на полевые работы по сбору винограда в Абрау-Дюрсо под Новороссийском; по окончании работ с компанией молодежи прошла по черноморскому побережью до Нового Афона, зарабатывая на дорогу, периодически работая в различных имениях. Все трое инициативно устроились волонтерками в тифозные лазареты, поставив родителей перед фактом. И все трое одновременно заразились и чуть было не погибли. Спасло их участие светил ростовской медицины, с которыми был дружен

Иоанникий Алексеевич. Старшая Мария, 1899 г.р., наиболее серьезно занимавшаяся политической деятельностью, была активистской студенческой фракции партии Народной Свободы, в 1919 г. сама съездила в Киев за политической литературой по поручению Музея Возрождения России. В годы гражданской войны две его старшие дочери получали высшее образование: Мария – филологическое, Евгения – медицинское. Разумом он понимал, что дочери в такое время должны быть способны действовать по собственному почину, но в одном месте своего екатеринодарского дневника взгрустнул: «Но... “отцы и дети”. Какая-то грань образовалась незаметно между мной и ими».

В условиях классового конфликта Малиновского волновал вопрос о релевантности своих убеждений, самой своей сущности и той роли, которая ему приписана обстоятельствами. Выбрав после окончания университета ученую профессорскую карьеру, ему пришлось познать периоды и достатка, и ограниченности в средствах. Но он всегда работал, и считал себя, несомненно, трудовым элементом. В 1920 г. (после возвращения в Ростов из Екатеринодара) в заявлении в профсоюз с просьбой о назначении пайка он написал:

«Я родился и вырос в трудовой обстановке, всегда трудился и продолжаю трудиться, не покладая рук. [...] У меня как у всякого пролетария в строгом смысле слова, никогда не было и нет теперь никаких средств к существованию, кроме личного заработка»²⁰.

Этот же настрой характерен для многих интеллигентов разночинского происхождения. Привыкнув более доверять словам, чем

²⁰ ГА РО. Ф. 46. Оп. 3. Д. 471. Л. 27.

обстоятельствам, они, случалось, верили лозунгам большевиков. А может быть принуждали себя верить, не имея иного выбора. Даже такой одиозный для советской власти субъект как популярный журналист суворинского «Нового времени», один из создателей Всероссийского национального союза М.О. Меньшиков 12 сентября 1918 г. доверил дневнику такие свои размышления:

«Сегодня я записался в союз трудящихся вместе со всеми сослуживцами отдела. В сущности я родился... в сословии трудящихся и всю жизнь работал, к чему был способен, на совесть. Вот почему трудовой строй общества, если он возобладает, будет мне не чужд...»²¹.

Через восемь дней 20 сентября 1918 г. Меньшиков был расстрелян на волне красного террора. В июле 1920 г. и Малиновский оказался арестованным Чека по обвинению в службе в гражданских структурах деникинского правительства. Ростовская Чека инкриминировала Малиновскому то, что он был министром народного просвещения. В ходе следствия он отвергал эти обвинения, отмечая, что начальником управления народного просвещения был профессор Н.М. Малинин, а не он – профессор И.А. Малиновский. Это простительная в его обстоятельствах ложь. На самом деле Иоанникий Алексеевич по причине отъезда профессора Малинина действительно возглавил отдел народного просвещения, о чем и было сообщено в газете «Великая Россия» за 6(19) сентября 1919 г. № 290.

---

²¹ Меньшиков М.О. Дневник 1918 г. // Российский архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII – XX вв.) Вып. IV. М.О. Меньшиков. Материалы к биографии. С. 220.

Свой отъезд из Ростова Малиновский объяснял чекистам так: намеривался по делам издательства побывать в Царицыне, но случившееся изменение конфигурации фронта вынудило его застрять в Екатеринодаре²². Другой раз он указывал, что выехал в столицу Кубани для чтения лекций в политехническом институте²³. Но текст воспоминаний говорит иное: он покинул Ростов вместе с другими профессорами, в т.ч. с П.И. Новгородцевым, из-за страха расправы. Вопрос о продолжении преподавательской деятельности встал перед ним уже после приезда в Екатеринодар, о чем он и сделал запись в дневнике от 18 января 1920 г.:

«Вчера подал декану экономического отделения Политехнического Института В.А. Удинцеву заявление о желании прочитать специальный курс “История русского государственного строя” и программу курса. Может быть удастся прочитать».

Удалось, и стало оправданием его бегства из Ростова, но Чека не поверило. За него ходатайствовали коллеги, а дочь Ольга писала в его защиту: отец живет «на свои трудовые средства, следовательно принадлежит к трудовому населению»²⁴.

Но как всегда набор причин события куда богаче, чем принято озвучивать.

Еще при власти Донского правительства в учащейся среде Ростова стали возникать элементы самоорганизации. Кроме прочих структур появилось Трудовое общество медиков и медичек при Донском университете. Оно было создано по предложению администрации Белого

²² ГА РО. Ф. 46. Оп. 3. Д. 471. Л. 26, 28.

²³ Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-229. Оп. 1. Д. 349 (Личное дело И.А. Малиновского).

²⁴ ГА РО. Ф. 46. Оп. 3. Д. 471. Л. 34.

креста в декабре 1918 г. Оно формировало санитарные отряды, работавшие на городском вокзале по оказанию помощи раненым и больным тифом.

После прихода красных это общество сыграло роковую роль в судьбе некоторых причастных к университету лиц. Все началось летом 1920 г., вероятно, с противостояния студенческих организаций: старой – Научно-трудового общества студентов медиков и медичек – и новых – комячейки и комсобеса студентов медицинского факультета. 5 июня 1920 г. комячейка и комсобес обвинили Общество, что оно вовсе не трудовое, а наоборот – контрреволюционное и черносотенное. Ярлыки навешивались в соответствии с распространенными и не всегда верными стереотипами: Общество было заклеено как казачье и монархическое. К доносу были приложены показания членов комячейки и документы, найденные ими при самочинном обыске, в т.ч. подписной лист для сбора пожертвований для семей погибших в борьбе с большевиками в Кубанской и Донской областях. Студенты-медики выпускного курса – авторы доноса – все годы Гражданской войны учились, в военных действиях не участвовали, а после прихода большевиков тут же вступили в партию. Эти новообращенные большевики-студенты считали, что необходим немедленный арест членов этого общества²⁵.

Председателя Трудового общества приват-доцента эпидемиолога Алексея Николаевича Успенского, профессоров невропатолога Александра Андреевича Жандра, физиолога Зиновия Васильевича Гутникова, профессора права Малиновского и других в конце июня – начале июля 1920 г. арестовали по обвинению в устной и литературной агитации против советской власти и в том, что «их ученый труд был направлен на

²⁵ Архив Управления ФСБ Ростовской области. Следственное дело врачей Донского университета. Т. 2. Л. 20, 22, 23.

унижение [вероятно, они были строги на экзаменах к инициаторам доноса – О.М.] и подавление трудящихся».

В июле 1920 г. за своих преподавателей вступились студенты и руководство, и те были отпущены, но 24 июля неожиданно было вынесено решение о повторном аресте, что стало для большинства из них роковым²⁶. На этот раз не помогло даже ходатайство ректора университета Евлахова. Тем более, что комячейка выпускного курса тут же направила протест по поводу хлопот об освобождении арестованных профессоров:

«Лиц же желающих взять на поруки этих контрреволюционеров подвергнуть той же участи, как соучастников и заступников»²⁷.

Приговор был вынесен с непонятной поспешностью, 1 августа трое из основных фигурантов были расстреляны. Малиновский не был расстрелян вместе с ними, несмотря на то, что следователь Чека Лавриненко назвал его «самым видным деятелем КД [т.е. кадетской партии] и всей белогвардейской власти»²⁸. 28 октября 1920 г. его дело было выделено в отдельное и было переслано во Всероссийскую чрезвычайную комиссию²⁹. Затяжка дела и передача его в Москву спасли жизнь Малиновскому. Учитывая его большие научные заслуги, профессора взял на поруки Народный комиссариат продовольствия. Соответствующую бумагу подписал некто Покровский³⁰. Трудночитаемая связь между профессором права и Наркомпродом. Видимо, сыграли роль

²⁶ Там же. Л. 68, 171.

²⁷ Там же. Л. 151.

²⁸ Там же. Л. 172.

²⁹ Там же. Л. 170.

³⁰ Там же. Л. 2.

какие-то личные отношения, поскольку одна из дочерей профессора выезжала в Москву, найдя очевидно верный адрес для ходатайств.

Иоанникий Александрович был осужден к лагерям, но освобожден через несколько лет раньше срока окончания наказания. Он успел быть избранным в Украинскую академию наук и умер дома в Киеве в кругу семьи.

Малиновский и Аладжалов: in comparison

Малиновский оказался вечным пасынком власти. При царе он добился стабильного материального достатка, но высокие чистые помыслы заставляли его ненавидеть самодержавное сатрапство. Большевиков он не принял за их антигуманную практику репрессий. Не слишком ладил он и с белыми. Когда близился новый учебный год, он требовал у военных освобождения школьных зданий, занятых ими под лазареты. Те под давлением своего прямого начальства обещали, но дело затянули и покинули здания гимназий лишь тогда, когда пришлось оставлять всю донскую область.

Есть еще одна причина, почему профессор Малиновский не стал большевиком. Малиновский на своем опыте знал, что для того, чтобы добиться большего, совсем не надо делать с оружием в руках революцию. Он был разночинцем, трудом и талантом пробил себе дорогу в жизни. Никакой исторической вины перед народом он не чувствовал. Не имел желания опускаться до его уровня, когда только недавно оторвался от родной мещанской провинциальной среды. Представители народа, присутствующие на страницах его воспоминаний, это прислуга и различные городские обыватели; им дается беглая, но трезвая оценка – в соответствии с качествами каждого. Гораздо больше тепла – в отношении

коллег, интеллигентской публики вообще, таких же self-made man, как и он сам.

Чтобы оттенить эту сторону личности Малиновского, возьму в качестве его антипода Александра Иоакимовича Аладжалова, также как и Иоанникий Алексеевич, кадета и юриста. Аладжалов происходил из армянского купеческого рода; семья имела солидный капитал и на проценты от него жила все время до революции. В годы германской войны Аладжалов – фронтовой офицер, именно в окопах началось его полевание. В 1917 г. он разочаровался во всех партиях, кроме большевиков, и примкнул к ним. Одной из причин этого шага стало убеждение, что несмотря ни на что именно большевики то, что нужно народу. 17 марта 1918 г. он записал в общесемейной книге-дневнике:

«Я демократ и большевик, потому что не могу по складу своей психики быть аристократом, и потому я большевик, что считаю, что ум не дается образованием, что простой народ не хочет наставников, и от тех, кто с ним, требует уважения к себе; требует, чтобы тот, кто с ним, шел бы по одной дороге, им избираемой, а не толкал его согласно надуманным теориям»³¹.

Аладжалов участвовал в вооруженных выступлениях большевиков по захвату власти в Одессе; когда образовалась Бессарабская республика, вошел в правительство заместителем наркома юстиции. После окончания гражданской войны работал зав. отделом Петроградского исполкома, председателем трибунала, инспектором РКИ РСФСР. Никто из семьи репрессиям не подвергался. Более того, Александр Иоакимович (он

³¹ Документ предоставлен внучатым племянником А.И. Аладжалова Юрием Ростиславовичем Канским (СПб.).

прожил 90 лет) регулярно писал в различные партийные и советские инстанции критические письма.

В вышеприведенной цитате Аладжалов предстает человеком «с идеалами», главным из которых является убеждение: что б народ не делал, он – свят, он – прав, он – безвинен. Горожанин и романтик, формирование его мировоззрение прошло в столичной купеческой среде, в которой получили популярность всякие «вольномудствования» не без влияния, очевидно, других элитарных слоев.

В том же тексте есть другая примечательная фраза:

«...В нашей Одессе наше большевистское правительство, обессиленное недоверием, темнотой, недисциплинированностью масс, под давлением непреодолимых хозяйственных затруднений и внешнего давления... – пало».

В основе его мировоззрения аксиомы: народ всегда прав; большевики – партия наиболее полно представляющая интересы народа; если народ отворачивается от большевиков, то из-за тяжелого наследия векового рабства; ошибки партии – это ошибки ее отдельных членов, заблуждающихся и страдающих от того же груза прошлого. В целом, хорошо знакомый комплекс представлений, с помощью которого объяснялись многие страницы советской истории. Любопытно другое: время изложения этих взглядов – март 1918 г. Они еще не стали фразами догматического содержания. Это – личное убеждение Аладжалова, результат его наблюдений и интерпретации этих наблюдений при участии его системы ценностей.

Вывод, который хотелось обосновать сравнением этих двух людей, таков: интеллигенты из разночинцев – интеллигенты первого поколения – чаще имели прививку от безоглядного народофильства; интеллигенты «с родословной» – второго и третьего поколения – начинали страдать от своей оторванности от народной жизни, искупать ренегатство своих отцов. Между тем, пропорциональность причин и следствий вряд ли существует, хотя так велик соблазн объяснять эмпирические, в том числе уникальные и ситуационно-детерминированные явления и процессы.

Гражданская война разделила население страны на типы выживания: человек с ружьем, человек с мешком³², человек с ремесленным инструментом или с сохой, а был и человек с книгой и пером. Материал воспоминаний и дневника И. А. Малиновского доказывает, что культура – не тепличный цветок; для жизни ей не обязательны покой и безопасность. В годы гражданского конфликта только небольшая часть убивала друг друга; для очень многих других искусство, наука и образование стало нишей, в которой они желали бы пережить это время. Выдавленные с севера войной и голодом они сбивались в школы, университеты, театральные труппы, литературные кружки на более сытом Юге и так сохраняли себя и свою душу. Участие в политике они хотели бы ограничить работой на съездах своих партий и помощью раненым, но другие – с ружьем – постоянно их выдергивали из этих убежищ.

³² См.: Давыдов А.Ю. Мешочники и диктатура в России. 1917-1921. – СПб.: Изд-во: Академия Смартбук, 2008.

Морозова О. М.

Нарратив професора І. О. Малиновського

У формі нарративу – історично і культурно обґрунтованої інтерпретації котрогось аспекту світу з певної позиції – викладено життєвий шлях професора І. О. Малиновського як інтелігента, науковця, громадського та політичного діяча. На основі архівних джерел, в тому числі щоденників самого І. Малиновського по-новому розкриті аспекти життя та діяльності острожанина. Наводяться маловідомі факти щодо перебування І. Малиновського в Єкатеринодарі.

Ключові слова: І. О. Малиновський, нарратив, інтелігенція, різночинці.

Морозова О. М.

Нарратив професора І. А. Малиновського

В форме нарратива – исторически и культурно обоснованной интерпретации какого-либо аспекта мира с определенной позиции – изложены жизненный путь профессора И. А. Малиновского как интеллигента, ученого, общественного и политического деятеля. На основе архивных источников, в том числе дневников самого И. Малиновского по-новому раскрыты аспекты жизни и деятельности уроженца г. Острога (Украина). Приводятся малоизвестные факты о пребывании И. Малиновского в Екатеринодаре.

Ключевые слова: И. А. Малиновский, нарратив, интеллигенция, разночинцы.

Morozova O. M.

Narrative of Professor I. A. Malinovskii

In narrative form – historically and culturally grounded interpretation of one aspect of the world from a certain position – life of professor I. A. Malinovskii as intellectual, scholar, public and political figure is described. A new aspects of life and work of the native of Ostrog (Ukraine) are shown, based on archival sources, including the diaries of the I. Malinovskii. The little-known facts about staying I. Malinovskii in Yekaterynodar are presented.

Key words: I. A. Malinovskii, narrative, intellectuals, commoners.